

Роль образа библейского царя Давида в понимании русской духовной поэзии XVII–XX веков

El papel de la imagen del rey bíblico David en la comprensión de la poesía espiritual rusa de los siglos XVII–XX

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ХИМИЧ, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)*
khimich-ga@rudn.ru

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА, *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)*
terentyeva-ed@rudn.ru

Received: May, 23 2020.

Accepted: November, 2 2020.

АННОТАЦИЯ

Данная работа входит в цикл, посвященный изучению образа библейского царя Давида в русской литературе. В статье проанализирована роль образа Давида в понимании русской духовной поэзии XVII–XX веков. Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена тем, что на протяжении советского периода развития литературоведения русская поэзия, неразрывно связанная с христианской традицией и Библией, изучались вне ее религиозного контекста, и многие произведения оставались за рамками научного освещения. В статье обозначены основные тенденции развития русской духовной поэзии и интертекстуального использования в ней Библии. В период с XVII по XX вв. в поэзии наблюдается постепенное отдаление от текста Священного Писания: от стремления к точному воспроизведению библейского текста поэты переходят к использованию семантически нагруженных библейских персонажей в качестве средств языковой выразительности, для сравнений, аллегорий или философского анализа. Несмотря на изменение отношения к Писанию и образу царя Давида в русской поэзии, для многих поэтов XVII–XX веков именно с его именем связано представление об эталоне Поэта.

Ключевые слова: русская литература, поэтические переложения псалмов, влияние Библии на русскую литературу, библейский царь Давид, Библия и литература.

RESUMEN

La investigación forma parte del ciclo dedicado al estudio de la imagen del rey David en la literatura rusa. En el artículo se analiza el papel de la imagen del rey David en la comprensión de la poesía espiritual rusa de los siglos XVII-XX. La actualidad del tema viene determinada por el hecho de que, durante el período soviético del desarrollo de la crítica literaria, la poesía rusa, que mantiene un vínculo muy estrecho con la tradición cristiana y con la Biblia, se estudiaba sin tener en cuenta su contexto religioso, por lo que muchas obras quedaron fuera del marco de los estudios científicos. En el artículo se marcan las tendencias principales del desarrollo de la poesía espiritual rusa y del uso intertextual de la Biblia en ella. En los siglos XVII-XX los poetas se alejan paulatinamente del texto de las Sagradas Escrituras: de la tendencia a reproducir lo más exactamente posible el texto sagrado, los poetas pasan a utilizar la riqueza semántica de las imágenes bíblicas como medio de expresión lingüística para sus comparaciones y alegorías, así como para el análisis filosófico. A pesar de este cambio de actitud con respecto a la Sagrada Escritura y a la imagen del rey David en la poesía rusa, para muchos poetas de los siglos XVII–XX es con este personaje precisamente con quien está vinculada la idea del modelo del Poeta.

Palabras clave: literatura rusa, interpretaciones poéticas de los salmos bíblicos, la influencia bíblica en la literatura rusa, rey David, Biblia y literatura.

1. Введение

Понимание смысла и функций русской поэзии изменяется на протяжении рассматриваемого нами периода XVII – XX веков, однако во все времена остается что-то общее, что и позволяет объединить все рассматриваемые нами поэтические опыты в одну группу, которую мы, следуя теории Панченко, разграничившего в культуре Руси духовную сферу и сферу “скоморошества” и “глумства” (Панченко, 1973: 5), называем духовной поэзией.

Как уже было показано (Химич, 2005: 31-45, Химич, 2019: 65-70), само зарождение русской поэзии, ее первые модели и понимание ее функций и сути неразрывно связаны в русской традиции с именем библейского автора псалмов Давида. Именно его образ был избран русскими поэтами, начиная с Симеона Полоцкого, впервые переложившего псалтирь стихами («Псалтирь Рифмотворная» была написана в 1658 году, увидела свет в 1680) в качестве модели, прототипа, идеала поэта. И это видение идеала поэта мало изменилось за все четыре века ее существования.

Таким образом, определяется цель исследования: изучение значения образа библейского царя Давида для развития русской духовной поэзии XVII – XX веков.

Задачи исследования:

1. рассмотреть трансформацию образа Давида в русской поэзии разных периодов и влияние этого образа на понимание авторами сущности духовной поэзии.

2. на примере эволюции образа Давида обозначить основные тенденции развития русской духовной поэзии.

Методология: исследование представляет собой историко-сравнительный анализ поэтических текстов XVII–XX вв., посвященных царю Давиду. Выбор текстов для анализа обусловлен наличием в них образной параллели или упоминанием библейского царя Давида.

Методологической основой работы стали теоретические исследования поэзии Ю.М. Лотмана (1996), Б.Н. Романова (1995, 1996), А.М. Панченко (1973) и др. авторов; работы и размышления над текстами псалмов К.С. Льюиса (1994), А. Меня (1994, 1992), А.П. Лопухина (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3-х т. под ред. А.П. Лопухина (1906) и других авторов.

Актуальность темы обусловлена тем, что на протяжении советского периода развития литературоведения, то есть большую часть XX века, русская литература, и в частности, русская поэзия, неразрывно связанные с христианской традицией и Библией, изучались вне ее религиозного и духовного контекста, а произведения, напрямую связанные с Библией, были словно из нее «вырезаны», оставались без внимания, не публиковались, почти не комментировались и мало изучались. Вследствие этого многие произведения и художественные течения не получили научного освещения. Скрытые и явные параллели памятников русской литературы с Библейскими текстами помогают открыть новые тексты, а также новые скрытые смыслы в хорошо изученных произведениях.

2. XVII век

Понимание функций русской духовной поэзии во многом объединено образом библейского псалмопевца Давида, подражанием ему, хотя в разные эпохи к этому образу будут обращаться с разной частотой.

Впервые прямым последователем Давида в поэзии называет себя Симеон Полоцкий, с литературной деятельностью которого многие исследователи связывают начало русской поэзии. Своей «Псалтирью Рифмотворной» он положил начало целому направлению поэтического переложения псалмов в русской литературе. Симеон обращается к образу Давида как к избранному и умудренному самим Богом поэту-пророку, творение которого – Псалтирь – воспринимается им как пример для подражания.

Самим Господем Богом бысть оно умудренны,
Пророчества даром дивнеисполненны,
От Духа пресвятаго, *иже* наставляша
Его на глаголы си, он же Я пояше.
Орудие словесно бе Духу Святому,
Бяшебо муж по сердцу Богу Истинному.
Царь небесный земнаго на то умудрил есть,
Тайны сокровенные через него явил есть.

Симеон Полоцкий признает себя прямым последователем Давида.

Ты даждь места (мне) у тебе сему нову дару –
Прежде царем Давидом от духа строенну,
Днесь работ ти *в* словенский рифмы переведенну.
Под трудами Давида мой аз прилагаю,
Мой, давидовых ради, труд прими, *желаю*
(Симеон Полоцкий, 1994: 158-159).

В этом свете текст переложения Симеоном Полоцким Пс. 32 звучит призывом к другим поэтам, которые после него ступят на этот путь:

В десятиструнну псалтирь и в гусли ударяйте,
Поюще Господеви вси исповедайте.
Песни новые Ему изрядно слагайте
И со восклицанием тыя воспевайте...
(Симеон Полоцкий, 1809: 369)

В более ранних поэтических текстах мы не увидели указаний на подобную преемственность, хотя поэтические дарования и заслуги Давида признавались и ранее (Химич, 2019: 65 – 70). Так, например, Мардарий Хоньков пишет о царе Давиде:

Царь же и пророк сподобися быти,
Возлюби бо Дух Святой, в нем почити.
Им же наставлен Псалтирь сочиняет
И всю церковь им поя услаждает.
(ТОДРЛ, 1993: 385).

3. XVIII век

В XVIII веке, особенно во второй его половине, в расцвет эпохи Просвещения, в русской поэзии появляются новые формы и жанры. Развитие гражданской поэзии, хвалебные оды, вольные переложения произведений самых разных культур, эпические поэмы и лирические стихотворения – русская литература XVIII века представляет собой настоящую палитру, что неминуемо детерминирует сужение роли и функций духовной поэзии. Одним из важнейших вопросов литературы этого периода становится вопрос о языке, его развитии и художественном потенциале. Вопрос же о функциях поэзии вытесняется на второй план, и в понимании их нет такого разнообразия, как мы встретим в XIX и XX вв. Для XVIII же века очевидно, что поэт должен воспевать Бога («*Боже! Воспою песнь нову, Век тебе благодаря...*» (Тредиаковский, 1995: 86 - 92), поучать царей и служить людям. Такое единообразие в понимании функций поэта в XVIII веке не случайно. Оно явилось логичным продолжением библейской традиции поэта-пророка, художественным воплощением которой стал любимый на Руси праведник Давид. Это понимание функции поэзии перешло в русскую литературу из древнерусской традиции художественного слова, авторитет которой для духовной поэзии был весьма велик.

Немаловажным является факт принадлежности части русских поэтов XVIII – начала XIX вв. к масонским ложам (по данным В.И. Сахарова (Сахаров, 1995: 3 – 26) в масонских ложах в разное время своей жизни состояли А.П. Сумароков, Ф.Н. Глинка, В.И. Майков, Н.И. Новиков, М.М. Херасков, И.В. Лопухин, И.Н. Тургенев, И.И. Дмитриев, Ф.И. Богданович, И.П. Елагин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и многие другие известные русские поэты). Это явилось во многом определяющим фактором в общем понимании целей поэзии и функций поэта в данную эпоху. На масонской поэзии следует остановиться особо, поскольку она имела влияние на всю литературу XVIII века. Масонские поэты горячо поддерживали традицию поэтического переложения Псалтири. Интерес к Псалтири объясняется тем, что именно Библия, согласно масонскому учению, содержала в себе зашифрованный код устройства новой райской жизни на земле. Немаловажна для нас и основная функция поэта у масонов: поэт – прежде всего философ, жрец и маг, преобразующий как для посвященных, так и для остальных, мифологию в систему художественных образов с дидактической целью. Подобное понимание задач поэта и поэзии стало причиной единообразия в избираемом материале для поэтических опытов (см. подробнее: Сахаров, 2000: 65-115).

Иллюстрацией тенденций и споров в русской литературе XVIII века можно назвать знаменитое соревнование Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова по переложению 143-го псалма (1744 г. «Три оды парафрастические псалма 143 сочиненныя через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо»), послужившее толчком к массовому поэтическому переложению псалмов и вовлечению других поэтов эпохи в спор о формировании литературного языка, становлении новой литературы и постановки ее на место духовного авторитета нации, ассимиляции и отгалкивания эстетических норм древнерусской литературы, художественного перевода библейских текстов и взаимоотношений поэта и Бога, веры и творчества. Каждый из поэтов решает эти проблему по-своему, тем самым устанавливая стандарт для своих будущих

последователей.

Все три автора спора вводят в свое стихотворение тему поэта, которая, хотя и содержится в каноническом варианте, во всех трех переложениях получает особое звучание. В псалме автор, поэт и Давид – это одно лицо, и это дает материал поэтам для трактовки данной темы. В этом контексте попробуем прочесть следующие строки из переложения М.В.Ломоносова:

*Но я, о Боже, возглаголю
Тебе **песнь нову** повсечасно;
Я в десять струн **Тебе согласно**
Псалмы и песни приношу.
Тебе, Спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.*

(Три оды парафрастические псалма 143 сочиненные через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо, 1744, 25).

Эти строки, которые Ломоносов почти дословно переносит из Псалма, служат подтверждением для самого автора переложения и доносят читателю актуальные для того времени мысли: о близости поэта к Богу и покровительстве ему в создании новой поэзии.

В.К.Тредиаковский также акцентирует внимание в своем переложении на теме избрания поэта. Этот факт может свидетельствовать о насущности этой темы для поэтов эпохи. Единственное отличие – у Тредиаковского все очень лично: боговдохновенным Поэтом избран именно он и, подобно Давиду, просит его спасти от врагов.

*Ныне круг земной да знает
Милость всю **ко мне Его**...
Боже! Воспою **песнь нову**
Ввек Тебе благодаря,
Арфу се держу готову,
Звон внуши и глас Царя.*

(Три оды парафрастические псалма 143 сочиненные через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо, 1744, 17).

Иные темы актуализированы в псалме Сумарокова. Автор, прежде всего, – боец за идею:

*Благословен Творец вселенны,
Которым днесь я **ополчен!**
Се руки ныне вознесены
И дух к победе устремлен:
К тебе вся мысль надежду правит,
Твоя рука меня прославит...*

*Не приклони к их уху слово:
Дела их гнусны пред Тобой,*

*Я воспою Тебе песнь нову,
Взнесу до облак голос мой
И восхваляю Тя песнью шумной
В моей Псалтире многострунной.*

(Три оды парафрастические псалма 143 сочиненныя через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо, 1744, 12, 14).

Основной мотив переложения Сумарокова – противопоставление суетности и непостоянности мира человека «Все дни его есть суета. Как ветер пыль в ничто преводит, Так гибнет наша красота» и величия и мощи вечного мира Божия. Хотя, как отмечает большинство исследователей, датой вступления в масонство Сумарокова может предположительно считаться 1755 год, мотивы и символика масонства звучат уже в этом переложении.

Показательно, что все три автора отождествляют себя с Давидом, чтобы утвердить свое предназначение петь «песнь нову», оправдать важность занятия поэзией в современном им обществе.

Таким образом, большинство поэтов XVIII века писали поэтические переложения Псалтири, почти единодушно признавали главной функцией поэзии дидактическую и поэта воспринимали, подобно Давиду, как пророка, передающего людям волю Бога или наделенного знанием через символы и аллегории передавать истинные знания в образах.

4. XIX век

XIX век, напротив, изобилует спорами о сущности поэзии. И наряду с хорошо известной всем нам поэзией гражданской и любовной, распространена в этот период и поэзия религиозная, которая, как понимают её сами поэты, в происхождении своём также восходит к Псалмопевцу Давиду. По причине того, что понимание функций поэзии в XIX веке неоднозначно, духовная поэзия как бы включается в существующую уже два века полемику по данному вопросу. Для многих поэтов этого времени сущность поэзии заключается в воспевании Творца и помощи его творениям «ходить путями Божьими»:

*Н.Шатров: Стройте, гусли, славы чада!
Гряньте в праздничный тимпан.
Пойте Богу! – Он отрада,
Страж и Царь Сионских стран*
(Шатров, 1995: 150)

*Г.Пакатский: Воспойте с радостью духа
Владыку, правщи, душией!..
Хвалите восклицаньем умным,
Гуслей бряцанием Творца...
Воспойте Господу песнь нову,
Настроив сердце и уста,
Как лиру, на сиеготову,
Чтоб петь владыку живота*
(Псалтирь в стихах..., 1818: 90)

В.К.Кюхельбекер: *Гремите же, святые струны
Пред Богом: Он хранит певца!
Раздайтесь до миров конца;
Летите, звучные перуны,
Разите гордые сердца!*

(Кюхельбекер, 1995: 239–240)

Ф.Н.Глинка: *Восстань, певец! Проснися, лира!
Простритесь спящие персты!
Воспой Творца и Бога мира,
Морей, и бездн, и высоты!..*

(Глинка, 1872: 89)

Конечно, в этом свете совершенно особой видятся миссия и назначение поэта. Поэт уподобляется пророку, служителю Господа и наделяется полномочиями наставлять людей и сообщать им волю Бога. Наверное, лучше всех о смысле поэзии и роли поэта говорит Рылеев:

*О так! нет выше ничего
Предназначения Поэта:
Святая правда – долг его;
Предмет – полезным быть для света.
Служитель избранный Творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан Певца
Он делом оправдать обязан*

(Рылеев, 1934: 171)

В.К.Кюхельбекер: *Нет! Пламень неземной горит в святых певцах:
Живет Господень дух в могучих их струнах...*

Источник вдохновения Кюхельбекер видит «в священном свитке тех бессмертных песнопений, ... которых излил твой чудотворных дух в стране Израиля в младенческие веки...», среди которых одно из видных мест занимает Псалтирь Давида. На это указывает и сам Кюхельбекер в продолжении стихотворения: «Давид с превыспренних светил в волнуемую грудь мне мир и веру влил» (Кюхельбекер, 1996: 154 – 157).

Языков в стихотворении «Поэту» формулирует признаки становления поэта и главную его цель:

*Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
Чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово:
Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахарных уст порока,
И не проси и не бери наград.*

Эталоном поэта-пророка вновь становится царь и псалмопевец Давид, с которым сопоставляет поэта Языков:

*И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки,
А царь Саул заслушается их*
(Языков, 1934: 394)

П.А.Катенин в стихотворении «Мир поэта» восклицает:

*Кто даст мне крылья голубины
Взлететь с Давидом к небесам*
(Катенин, 1965: 113)

Однако, сопоставляя Поэта с Псалмопевцем, поэты зачастую расходятся в трактовке песен Давида. Так, например, С. Фругу представляется, что псалмы Давида – это «песни мира, свободы, любви», и именно эти песни он призывает поэтов «непрерывно, без устали» петь, передавая свою «вещую лиру» из поколения в поколение (Фруг, 1991: 149-150).

В свете подобного понимания функций поэта интересно проследить обращение русских стихотворцев к 136-ому псалму, в котором песнопевец отказывается петь в плену Вавилонском песни Господние. Стихотворные переложения 136 псалма находим у Л.А. Мея («Давида – Иеремием»), И.И. Дмитриева («Подражание Пс 136»), Н.М. Языкова («Подражание Пс 136»), Ф.Н. Глинки («Плач плененных иудеев»), В.Н. Григорьева («Чувства плененного певца»), И. Бороздны («Песнь иудейских пленников») и многих других авторов.

Именно в XIX веке наблюдается наиболее частое обращение к этому псалму. С одной стороны, это связано с общим пониманием сущности поэзии как песни Богу, а не кесарю, с её пророческой миссией.

*Нет! Лучшие иссохни под цепью десная
И пыльное сердце в неволе истлей,
Чем арфу порочить, душе изменяя,
И песнею слух твой лелеять, злодей!..
Так сердце певца гнев судьбы презирает
И песнею робкой врага не дарит!*
(Григорьев, 1995: 235 - 236)

С другой стороны, принимая во внимание то, что первая половина XIX века ещё испытывает на себе влияние масонства, у некоторых авторов мы можем рассматривать обращение к 136 псалму в духе масонской традиции как отказ петь для «непосвященных», для своих врагов. В этом свете «отчизна», с которой был разлучен Израиль, воспринимается как аллегория потерянного земногорая.

*Ах! Нам ли песни петь среди своих врагов,
Они с отчизной разлучили...
Прилипни навсегда язык к устам моим,
Замри рука моя на лире;*

*Когда забуду я тебя, древнейший в мире,
Святой Иерусалим!*

(Дмитриев, 1893: 250 - 251)

У Ф.Н.Глинки песни потерянного рая, песни Сиона – «глас свободы», а времена потерянного рая – Вавилонское рабство:

*Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!..
Увы! Неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песен не поют!*

(Глинка, 1995: 262-263)

5. XX век

Наиболее многоплановая и интересная дискуссия о сущности поэзии и назначении поэта развернулась в начале XX века на фоне поисков истины и смысла жизни, занимавших почти всех представителей Серебряного века. XX век разнообразен в суждениях и трактовках: от мотива богоборчества («Поэты мы - ...мы Бога и богинь оспариваем, и девственницу и богов!») (Цветаева, 1979: 229) до невиданного ранее по своей глубине и масштабу взлёта христианской религиозной мысли, сопровождающегося новым витком в развитии духовной поэзии. «В исканиях и крайностях поэзии серебряного века, – пишет исследователь традиции поэтического переложения псалмов Б.Н. Романов, – от ересей до богоборчества – преобладал именно христианский пафос» (Романов, 1995: 52 – 53). На фоне такого разнообразия теорий и точек зрения будет интересно проследить понимание функций духовной поэзии, её смысла. Наверное, наиболее обобщенно и точно выразил его К.М. Фофанов в стихотворении «Поэзия – Бог»:

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли»

(Фофанов, 1962: 287)

*К.Бальмонт: Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны его созданья...*

(Бальмонт, 1896)

Поэзия многими авторами продолжает восприниматься как особого рода духовный подвиг, на который необходимо испросить особого благословения Бога:

*П.Родимов: Благослови, Господь, мой подвиг песнопенья!
Огонь пылающий вложи в мои уста...*

(Родимов, 1993: 640).

*В.Иванов: Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом*

(Иванов, 1971)

Но подобных примеров понимания поэзии становится всё меньше, всё реже встречаются стихотворные переложения Псалтири. Обращения к псалмам Бальмонта и Фофанова воспринимаются как случайность, творческий эксперимент, наряду с многими другими, и не вызывают особого интереса. Нередко использование библейской лексики и библейских сюжетов – дань моде, символ или аллегория, стилизация под древность. Но даже в случаях, когда имеет место сознательное обращение к Писанию с целью поиска истины, чаще всего оно недолговременно, непоследовательно или идет вразрез с христианским учением. Не часты в поэзии Серебряного века и обращения к образу праведного библейского Псалмопевца. Серебряный век более привлекают образы Адама и Евы, вкусивших запретный плод; Моисея, скитающегося с Израилем 40 лет по пустыне; Иова, спорящего с Богом. Несколько стихотворений, посвященных поэзии Давида, находим у Ф. Сологуба. И лишь Н.Оцуп, уделивший большое внимание в своем творчестве образу Давида, словно напоминает поэтам забывшуюся традицию:

*Но Бога своего ты как возлюбленную пел...
И всех певцов удел – Твой слышать голос, царь Давид...
(Оцуп, 1961: 126 – 127).*

А.М. Федоров сравнивает себя с Давидом и, подобно Симеону Полоцкому, просит Бога услышать его моления, как он услышал мольбу Давида:

*Торжественную песнь я воспою Тебе
И буду вторить ей на арфе многострунной.
О, Господи мой! Ты Давида вял мольбе
И был спасен Тобой певец святой и юный –
Спаси же и меня от бешеной волны...
(Федоров, 1995: 52-53).*

Понимание поэтами Серебряного века образа Давида весьма своеобразно. Он уже не тот безгрешный библейский праведник, каким его стремились показать в XVII – XIX веках. Наряду с немногочисленными традиционными трактовками сюжетов из жизнеописания царя Давида (к коим можно отнести, например, разработку 151 псалма В. Брюсовым в стихотворении «Песнь Давида» или противопоставление Давида Саулу К. Фофановым в стихотворении «Саул»), появляются новые, неслыханные ранее. Царь Давид предстает пред нами то как «разбойник и пастух» (Оцуп, 1961: 126–127), «обыкновенный шейх, начальник шайки бедуинов» (Оцуп, 1961: 189), то как «себя почуявший гигант, лев молодой пустынь» (Иванов, 1978: 108), то как дряхлеющий старик, олицетворяющий собою смерть:

*На ноги тянет теплые меха,
Велит жаровни разожечь у ложа,
Но старческая леденеет кожа,
И сердца жизнь неслышимо тиха...
(Шенгели, 1919: 8)*

Учащается и обращение к женщинам, фигурирующим в жизнеописании царя Давида, что, конечно, связано с возникновением в Серебряном веке культа «прекрасной дамы». Библейские женские образы начинают мыслить, думать и действовать в стихах

самостоятельно, что не было характерным для поэзии более раннего периода. Вспомним, например, «Мелхолу» Ахматовой. Ещё один характерный пример – «Ависага» Г. Шенгели, построенный по принципу противопоставления Давид –Ависага, весьма напоминающего нам параллель Суал – Давид (день – ночь, жизнь – смерть и т. д.), но в «Ависаге» жизнь олицетворяет женский образ, а смерть – образ Давида. Символически также и финал стихотворения, связывающий «жизнь» не с Богом, а с солнцем:

*И Ависага простирает взоры,
Не слушает великого певца:
Пред нею солнце, солнце без конца
И знойные, родимые ей горы.*

Во многих стихотворениях, посвященных Давиду, нет уже даже упоминания Бога. Для поэтов Давид зачастую – не более чем герой древности, полисемантический персонаж, включенный в систему мировоззрения автора.

Как мы смогли убедиться, XX век представляет нам новое, не сводимое к одной трактовке, порой противоречивое и даже контрастное понимание образа библейского царя и псалмопевца Давида и его значения для русской поэзии.

6. Результаты исследования

Детально рассмотрев роль библейского царя и псалмопевца Давида в понимании сущности поэзии ее авторами в разные исторические эпохи, мы можем обозначить основные тенденции развития русской духовной поэзии и использование в ней как самого текста Библии, так и библейских сюжетов.

В период с XVII по XX вв. наблюдается всё большее отдаление от текста Священного Писания: от стремления к точному воспроизведению библейского текста поэты переходят к использованию семантически нагруженных библейских персонажей в качестве средства языковой выразительности, для сравнений и аллегорий или для философского анализа. От поэтического воспроизведения библейских идей и максимально возможной близости к оригиналу как лексико-синтаксической, так и семантической, что наблюдается в XVII веке, поэты плавно переходят к привнесению в поэзию собственных суждений, своего видения мира (века XVIII и XIX). И если в XVII веке текст Псалтири воспринимается как образец поэтического мастерства для подражания, а псалмопевец Давид становится учителем всех поэтов, а его деянием оправдывается само поэтическое творчество, то уже в XVIII веке ветхозаветные идеи и образы становятся «полезными» для выражения идей собственных: от прославления устройства государства до обоснования и авторитетного подкрепления мнений автора или философских теорий. В XIX веке поэты, уже не стремящиеся к связи с текстом Священного Писания, размышляют над сюжетами и образами Ветхого Завета, строя яркие сравнения, проводя параллели с современностью. Библия становится для них ключом к пониманию окружающей действительности. XX век представляет нам неоднозначное, даже контрастное понимание образа библейского царя и псалмопевца Давида и его значения для русской поэзии. В поэзии Серебряного века использование библейской лексики и библейских сюжетов – зачастую дань моде или стилизация под

древность. Тем не менее, несмотря на видоизменение образа библейского царя Давида в русской поэзии и способов взаимодействия библейского текста и поэзии, мы можем отметить, что для многих поэтов XVII–XX веков именно с именем псалмопевца Давида связано представление об эталоне Поэта. На протяжении четырех веков, уподобляясь Давиду, многие русские поэты стремились нести свое поэтическое слово в мир.

Данное исследование входит в цикл работ, посвященных влиянию образа царя и псалмопевца Давида на русскую поэзию и изучению явления поэтических переложений псалмов в русской литературе XVII–XX веков. Сделанные в работах выводы и результаты исследований могут быть использованы для создания курсов по русской литературе и поэзии, а также для дальнейшего изучения темы влияния Библии на русскую культуру.

Продолжение данной работы может быть построено в нескольких направлениях:

1. Более детальное изучение влияния Псалтири на русскую поэзию. Поэтические переложения псалмов, которые, на наш взгляд, могут быть объединены в самостоятельный жанр литературы, до сегодняшнего дня почти не изученный отечественными литературоведами, могут быть исследованы в нескольких направлениях:

- заслуживает отдельного рассмотрения тема обращения различных поэтов к тому или иному псалму и причины подобного выбора для каждого конкретного автора в разные периоды его творчества, а также обращение группы поэтов к тому или иному псалму в один и тот же исторический период времени;
- весьма интересным представляется нам сопоставление русских и зарубежных поэтических переложений псалмов, определение особенностей трактовки Псалтири русскими поэтами, внесение в псалмы русских реалий, а также выявление наиболее частотных тем псалмов;
- немаловажно остановиться на новозаветном переосмыслении псалмов Давида, а также на взаимодействии в поэтических переложениях ветхо- и новозаветных образов и понятий. В рамках данной темы следует обратить внимание на различия в концепции Суда Божьего в Ветхом и Новом завете¹⁸ и на преодоление этого различия в поэтических переложениях псалмов. Интересно также проследить, как отражаются в поэзии христианского периода концепты «ненависть» и «проклятие», часто встречающиеся в псалмах, но не свойственные христианской этике.¹⁹

2. В доказательство того, что русская культура X – XX вв. имеет своим основанием Библию, её сюжеты и образы, интересно было бы проследить эволюцию и роль

¹⁸ «Ветхозаветные люди, как и мы, представляли Господень Суд в образе земного суда... Мы, христиане, видим на скамье подсудимых самих себя, иудеи же видели там своих обидчиков, а себя считали истцами. Мы надеемся на оправдание, то есть хотим, чтобы суд был милостивее; им нужно, чтобы суд судил строго». В Ветхом Завете «правдивый судья прежде всего выправляет несправедливость, восстанавливает правду в гражданском деле. «...» Христиане же просят Бога о милости и страшатся его правды». Псалмопевцы же «хотели суда, потому что считали себя, именно себя, несправедливо обиженными» (Льюис, 1994: 9–10).

¹⁹ «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. Дети его да будут сиротами, а жена его – вдовою. Да скитаются дети его и нищенствуют, и просят хлеба из развалин своих. Да захватит заимодавец всё, что есть у него, и чужие да расхитят труд его. Да не будет сострадающего ему, да не будет милующего сирот его; да будет потомство его на погибель, и да изгладится имя его в следующем роде...» Пс. 108: 8-13.

библейских образов в различных художественных произведениях.

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

REFERENCES

- Бальмонт, К. (1896). *«На мотив 18 Пс.». В безбрежности*. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон.
- Глинка, Ф.Н. (1872). *«Подражание Пс. 112». Русские поэты конца прошлого и начала нынешнего столетия и их лирические стихотворения, написанные в духе псалмов, составляющих Псалтирь. Сборник биографий и лирических стихотворений русских поэтов*. Санкт-Петербург: Рус. книгопеч.
- Глинка, Ф.Н. (1995). *«Плач плененных иудеев». Псалтирь в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Гребнев, Н.И. (1994). *Книга Псалмов. Перевод в стихах*. Москва: «Восточная литература» РАН, Школа пресс.
- Григорьев, В.Н. (1995). *«Чувства плененного певца. Подражание Пс. 136». Псалтирь в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Дмитриев, И.И. (1893). *Сочинения И.И. Дмитриева*. Ред. и прим. А.А. Флоридова. Санкт-Петербург: Издательство Евдокимова.
- Иванов, В.И. (1971). *Собрание сочинений*. Брюссель: Foyer Oriental Chretien.
- Иванов, В.И. (1978). *«Il gigante». Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель.
- Катенин, П.А. (1965). *Избранные произведения*. Москва – Ленинград: Советский писатель.
- Кюхельбекер, В.К. (1995). *«Упование на Бога». Псалтирь в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Кюхельбекер, В.К. (1996). *«Ветхозаветные песнопевцы». Ветхий завет в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Лотман, Ю.М. (1996). «Очерки по истории русской культуры XVIII – нач. XIX в.» В: Ю.М. Лотман, В.М. Живов, С.С. Аверинцев, А.М. Панченко и др. *Из истории русской культуры. Том IV (XVIII - начало XIX века)*. Москва: Языки русской культуры.
- Льюис, К.С. (1994). «Размышления о псалмах». Мир Библии (pp. 7-38). Москва.
- Мень, А.В. (1992): *Культура и духовное возрождение*. Москва: Искусство.
- Мень, А.В. (1994). Библия и русская литература. *Наука и религия*, № 1, 17-20; № 2, 16-19
- Оцуц, Н.А. (1961). Давид, обыкновенный шейх... *Жизнь и смерть: Стихи* (без изд.). Т. I. Париж.
- Оцуц, Н.А. (1961). *«Царь Давид». Жизнь и смерть: Стихи*, (без изд.). Т. II. Париж.
- Панченко, А.М. (1973). *Русская стихотворная культура XVII в.* Ленинград: Наука.
- Псалтирь в стихах с приложением при каждом псалме содержащегося в нем исторического, таинственного и нравственного смысла и с объяснением неудобовразумительных некоторых речений, переложенная лишенным зрения священником Гавриилом Пакатским (1818):* Типография Императорского воспит.

- дома, Санкт-Петербург.
- Родимов, П. (1993). *«Псалом зачала»*. Русская поэзия Серебряного века. 1890 – 1917. Антология. Москва: Наука.
- Романов, Б.Н. (1995). «Псалтирь в русской поэзии». В: *Псалтирь в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Романов, Б.Н. «Ветхий Завет в русской поэзии». В: *Ветхий завет в русской поэзии*. Москва: Ключ.
- Рылеев, К.Ф. (1934). *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель.
- Сахаров, В.И. (1995). «Русская масонская поэзия 18 в.». В: *Русская литература*, №4, (pp. 3-26). Санкт-Петербург: Наука.
- Сахаров, В.И. (2000). *Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века*. Москва: УРСС.
- Симеон Полоцкий (1809). *«Псалом 32»*, Полное собрание псалмов Давида, поэта и царя, переложенных как древними, так и новыми Российскими стихотворцами, с надписанием каждого из них имени, собранные по порядку Псалтири А.Решетниковым. Москва.
- Симеон Полоцкий (1994). *«Псалтирь Рифмотворная» в Памятнике литературы Древней Руси: XVII век*. Сост. и общ.ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Т. 12. XVII в. Кн. 3. Москва: Художественная литература.
- ТОДРЛ (1993). Труды Отдела древнерусской литературы. Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д. С. Лихачев, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3-х т. под ред. А. П. Лопухина (1906)*. Санкт Петербург: Печ. Графического ин-та.
- Тредиаковский, В.К. (1995). *«Пс. 143»*. Псалтирь в русской поэзии. Москва: Ключ.
- Три оды парафрастические псалма 143 сочиненныя через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо (1744)*. Спб.
- Федоров, А.М. (1995). *«Псалом 144»*. Псалтирь в русской поэзии. Москва: Ключ.
- Фофанов, К.М. (1962). *Стихотворения и поэмы*. Москва-Ленинград: Советский писатель.
- Фруг, С. (1991). *«Царь и певец»*. Библейские мотивы. Ветхий Завет. От сотворения мира до царствования Давида. Москва: А. Каспари.
- Химич, Г.А. (2005). «Поэтические переложения библейских псалмов в русской литературе». *Cuadernos de Rusística Española*, 3, 31-45.
- Химич, Г.А. (2019): «Значение и структура образа библейского царя и псалмопевца Давида в русской поэзии XVII в.». *Филологические науки. Вопросы теории и практики, Грамота*. Тамбов, Том 12. Вып. 11 (101), сс. 65-70.
- Цветасва, М. (1979). *«Поэт»*. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель.
- Шатров, Н. (1995). *«Подражание Пс. 32»*. Псалтирь в русской поэзии. Москва: Ключ.
- Шенгели, Г. (1919). *«Ависага»*. Еврейские поэмы. Харьков: Гофнунг.
- Языков, Н.М. (1934): *Полное собрание стихотворений*. Москва – Ленинград: Academia.